

ПРОТИВ РАКЕТ В ЕВРОПЕ

...ТЕПЛЫМ, погожим январским днем — по-кубински зимним, по-нашему вполне летним — мы ехали по узкой дороге в зарослях сахарного тростника, ведущей от магистрального шоссе к заливу Кочинос, где несколько лет назад во время событий, обозначенных в истории именем «Плая Хирон», высаживался контрреволюционный десант. Мигель Соса, один из секретарей кубинского движения за мир и суверенитет народов, красивый, худой, как тростинка, узколицый, рассекая воздух узкой ладошкой, рассказывал неторопливо и деликатно, как будто говорил о вещах, отнюдь не связанных с подлостью и кровопролитием, и от этого то, о чем он говорил, становилось еще страшнее: «Дорога тесная, вы сами видите... Наши солдаты шли к заливу, чтобы дать отпор контрреволюционерам. А сверху их бомбили — они были просто живой мишенью. И тут наши узнали, что такое американский напалм. Потушить его можно, только плотно изолировав от воздуха. И вот, скажем, человека поразил в руку. Ему кажется, что он простым движением уничтожил очаг поражения. А на самом деле продолжает гореть. Горит, как бикфордов шнур, неостановимо и страшно живая плоть...»

Я представила себе, что напалмовая смерть брызнула своим адским огнем на Мигеля, сжигая, испепеляя даже и не плоть, а как бы живую душу, которой у него явно больше, чем тела. Да это и

Римма КАЗАКОВА

УСЛЫШАТЬ СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

есть душеистребление, подлость, выходящая за пределы биологической сути преступления. Пластичное слово «напалм» по естественной ассоциации перенесло меня во Вьетнам, на ханойскую улицу Ххам Тхиен, где незадолго до этого, в декабре минувшего года, мы, делегация советских писателей, ходили с нашим переводчиком Тхангом, слушая его рассказ о том, что здесь произошло десять лет назад. И Тханг, который, кстати, заведует отделом Государственного института ядерной физики, а переводческие функции возложил на себя добровольно, из доброго расположения к нам, говорил о вещах кошмарных спокойно и как бы отстраненно. Наверное, то, что не укладывается в человеческом сознании, не может быть и окрашено нормальными эмоциями.

26 декабря 1972 года ночью массированный налет

американской авиации уничтожил улицу Ххам Тхиен. Было много человеческих жертв. За что? Почему? Чем провинился вьетнамский ребенок, спокойно посапывавший в ту последнюю свою ночь в кроватке родительского дома, перед великой заморской державой?..

Вспоминаю другие события, другие болевые точки планеты и жизни: Хиросима, вьетнамская Сонгми, ливанские Сабра и Шатила, Сальвадор... И везде — американцы, прямо или косвенно. Это какая-то символическая картинка нашего времени: клеймо США на разных видах тщательно упакованной, выверенной и последовательно экспортируемой смерти! Меня поразило лицо американского летчика на фотографии в маленьком музее на улице Ххам Тхиен. Выражение этого лица тоже символическое и примечательное: на нем — страх и стыд. Страх, к сожалению, преобладает...

Как много их, ультрасовременных способов убивать! И словно бы никаких уроков из былого не извлекается. Я думала об этом однажды на широком проспекте Мира в Хиросиме дивной глубокой осенью. Ярко пылали краски мирного пламени этого прекрасного времени года, ничто не напоминало о происшедшей здесь трагедии. А эта трагедия была особенно кошмарной и поучительной. Конечно, если тебя находит смерть, то от пули или от ножа, от осколка или яда, — казалось бы, не все ли равно? Смерть даже одного человека, если она насильственная, — ужас и беда. Смерть вообще — даже когда она естественная — остается для нас загадкой и печалью. Но, когда мы уходим из жизни, понимая неумолимость такого исхода, нас утешает и греет мысль о том, что «древу жизни будет вечно зеленеть», о детях, наследниках наших дел, о прекрасной нашей земле, которой и мы своей малой жизнью прибавили вечности.

Химия, ракеты и теперь еще ядерное оружие — это уже не просто мгновение смерти для кого-нибудь из нас. Это — убийство человечества.

История нашего времени знает много примеров того, как люди, объединившись, делали, казалось бы, невозможное, спасли жизнь обреченным, вырывая их из лап самоуверенно жестоких властей имущих. Так, помню, благодаря движению солидарности обрела свободу парагвайская коммунистка, поэт и художник Кармен Солер, объявившая го-

лодовку в стресснеровском застенке. А ведь вырваться оттуда, как говорила мне потом Кармен, было совершенно невозможно. У Кармен не было никакой надежды. Но люди услышали биение ее затухающего, слабеющего сердца.

Сейчас, если мы внимательно прислушаемся, мы услышим, что так тревожно, неровно, со сбоями начинает биться и само сердце человечества.

«Перед лицом угрожающей нам ядерной трагедии, — сказал недавно на конференции в Дели Фидель Кастро, — нет места смирению или компромиссу. Единственное решение, достойное человека, — это борьба».

Радостно сознавать, что в борьбе за мир, против тонки вооружений и ядерной смерти наша страна занимает ведущее место, привлекая все больше людей к активным действиям за мир. Эта сила бесспорна, этот голос мощный. И он звучит в голосе каждого из нас, делая его слышимым стоиком. Он звучит и в моем — без него очень слабо различимом на современном сумбурном звуковом фоне — голосе. И поэтому я говорю своим тихим, обыденным голосом, но так, как будто стою на большой трибуне у сверхмощных микрофонов: «Давайте все вместе услышим это напряженное, тревожащее биение сердца человечества! Давайте вернем ему покой и здоровье, и ритмы его зазвучат праздничными фанфарами в честь жизни, в честь человека!».